

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2013–2014

Памяти
Сергея Григорьевича Кляшторного
(1928–2014)

Москва
Наука — Восточная литература
2016

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т98

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Международного института
развития научного сотрудничества (Москва)*

Редакционная коллегия тома
Т.Д. СКРЫННИКОВА (председатель),
Т.И. СУЛТАНОВ, В.В. ТРЕПАВЛОВ

Редактор издательства
С.В. ВЕСНИНА

На переплете:
Тюркская статуя из урочища Яруу, Дзабханский аймак, Монголия

Тюркологический сборник / Ин-т восточных рукописей РАН. —
М. : Наука – Вост. лит., 1970—.

2013–2014 : Памяти С.Г. Кляшторного / ред. кол. Т.Д. Скрынникова (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. — 2016. — 358 с. — ISBN 978-5-02-039760-6

Статьи сборника, посвященного памяти выдающегося российского ученого-тюрколога С.Г.Кляшторного (1928–2014), охватывают круг научных проблем, которые исследовал ученый. В первом разделе сборника публикуются воспоминания о жизни и творчестве С.Г. Кляшторного. Во второй раздел под названием «Древние тюрки и их соседи» вошли публикации по истории древних тюрков (кыпчаков, огузов, уйгуров) и других кочевников в эпоху средневековья. В третьем разделе рассматриваются проблемы истории и культуры различных государств и народов тюркского мира в Северном Причерноморье, Центральной и Малой Азии.

© Институт восточных рукописей РАН, 2016
© Редакционно-издательское оформление.
Наука — Восточная литература, 2016

ISBN 978-5-02-039760-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Т.И. Султанов</i> (Санкт-Петербург) Жил-был тюрколог. Памяти Сергея Григорьевича Кляшторного.....	5
<i>Д.Д. Васильев, В.В. Тишин</i> (Москва) Сергей Григорьевич Кляшторный	14

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ И ИХ СОСЕДИ

<i>Peter B. Golden</i> (Rutgers University, New Brunswick) The “Other” in the World of Maḥmūd Kāšġarī	22
<i>С.А. Васютин</i> (Кемерово) Уйгурское «царство» VII в.: проблемы интерпретации политического статуса	41
<i>Иштван Зимони</i> (Сегед) <i>BODUN</i> и <i>EL</i> в раннем средневековье	66
<i>В.А. Иванов</i> (Уфа) Племена конфедерации кипчаков/половцев в Восточной Европе по данным письменных источников и археологии	94
<i>И.В. Кормушин</i> (Москва) Среднеазиатский поход тюрок 710–711 гг. (Палеографические поправки к чтению двух фрагментов в строках 45 и 46 надписи Тоньюкука и связанные с этим существенные переосмысления этой части текста)	104
<i>Н.Н. Крадин</i> (Владивосток) Особенности исторической динамики кочевых империй Внутренней Азии	117
<i>А.С. Сараев</i> (Казань) Огуро/огузская проблема в работах С.Г. Кляшторного и историографии	135
<i>Н.Н. Серегин</i> (Барнаул), <i>В.В. Тишин</i> (Москва) К вопросу о формах зависимости в обществе древних тюрок Центральной Азии (по письменным и археологическим источникам)	159

<i>Т.Д.Скрынникова</i> (Санкт-Петербург)	
Возвращаясь к интерпретации теонима <i>умай</i>	193

ТЮРКСКИЙ МИР СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>А.Д.Васильев</i> (Москва)	
Османский документ из Архива Музея дворца Топкапы об иерархии власти у Шейбанидов	211
<i>Д.Р.Зайнуддинов</i> (Казань)	
Артамыш ибн Абдулла ал-Ашрафи (ум. 736 г.х./1336) — посредник между мамлюкским Египтом и хулагуидским Ираном	220
<i>И.В.Зайцев</i> (Москва)	
К истории золотоордынских кунгратов в Хорезме и в Крыму: эмир Нангутай	238
<i>И.В.Ерофеева</i> (Алматы)	
Знаковый персонаж казахских преданий Алаша-хан: историческая личность и миф	256
<i>Д.Г.Савинов</i> (Санкт-Петербург)	
Геральдические изображения на парадных седлах средневековых кочевников Евразии	293
<i>И.В.Торопицын</i> (Астрахань)	
Несостоявшийся альянс: казахско-крымские отношения и политика России во второй четверти XVIII в.	307
<i>В.В.Трепавлов</i> (Москва)	
Налогообложение в Сибирском юрте	320
<i>Р.В.Хаутала</i> (Казань)	
Взаимоотношения куманов с Королевством Венгрия накануне монгольского вторжения 1241 г.	331

И.В.ТОРОПИЦЫН

(Астраханский государственный университет, г. Астрахань)

Несостоявшийся альянс: казахско-крымские отношения и политика России во второй четверти XVIII в.

Процесс присоединения казахов к Российскому государству, начавшийся в 1730-х гг., не означал отказа их ханов от самостоятельной внешней политики. Во второй половине 1730-х гг. часть казахов Младшего жуза, опасаясь джунгарского нашествия, предпринимала попытки обеспечить себе продвижение дальше на Запад через территорию России. Серьезным препятствием на их пути были калмыцкие улусы. В разгар русско-турецкой войны казахские владельцы вступают в переговоры с крымским ханом. С помощью крымских татар казахи рассчитывали разбить калмыков и занять территории их кочевий на Северном Кавказе. Однако вмешательство кубанского сераскера, выдавшего наместнику Калмыцкого ханства цель визита в Крым казахского посланца, привела к его аресту и выдаче астраханским властям, которые получили доказательства антироссийской политики владельцев Младшего казахского жуза. Благодаря этому астраханскими властями в 1740-х гг. были приняты меры по недопущению казахско-крымских контактов. Это позволило сорвать замыслы части казахской элиты по совместным действиям с крымскими татарами против российских подданных.

Ключевые слова: казахи, калмыки, крымские татары, казаки, астраханские власти, Россия, XVIII в.

Взаимоотношения казахов с соседними странами и народами в XVIII в. не раз становились объектом внимания научного сообщества. Их анализу, включая рассмотрение политики казахских ханов, посвящено немало исследований [Вяткин, 1941; Аполлова, 1960; Басин, 1971; Сулейменов, Моисеев, 1988; Моисеев, 1991; Ерофеева, 1999; Кундакбаева, 2005; Сабитов, 2014]. При этом многие авторы, как правило, концентрировали внимание на отношениях казахов с Россией и ее подданными: башкирами, калмыками, казаками или с Джунгарией,

лишь в самых общих чертах затрагивая тему внешних связей казахских ханов с другими народами¹.

Так, Н.Г.Ерофеева, характеризуя взаимоотношения Младшего казахского жуза с Россией, отмечает, что хан Абулхаир рассчитывал при поддержке русских властей не только усилить свою личную власть в казахском обществе, но и подчинить себе каракалпаков, башкир, правителей Хивы и Бухары, а также отвоевать у джунгарского хана южные казахские земли и город Туркестан [Ерофеева, 1999: 229]. В.А.Моисеев указывает, что в условиях растущей угрозы со стороны Джунгарии в конце 1730-х гг. казахские владельцы Младшего и Среднего жузов «были всецело поглощены своими делами в Башкирии, совершали набеги на кочевья волжских калмыков, вели дипломатические переговоры с кубанцами», не готовясь к отпору нового джунгарского нашествия [Моисеев, 1991: 110–111]. Перечисляя внешнеполитические достижения Абулхаира, М.Абдиров отмечает, что тот успешно воевал с калмыками, вытеснил туркмен с Мангышлакского полуострова, «успокоил» каракалпаков и активно вмешивался в дела Хивинского ханства. В результате политики Абулхаира «население жуза получило на определенное время более или менее спокойную жизнь, — пишет автор, — а ведь незадолго до этого оно собиралось уходить с родных земель в Турцию, Персию или на Кубань для спасения от многочисленных врагов, не видя для себя другого выхода» [Абдиров, 1993: 249].

Анализ историографии позволяет предположить, что среди казахских владельцев были люди, которые уделяли в середине 1730-х гг. определенное внимание западному направлению: вели переговоры с вассалами Турции на Северном Кавказе, подготавливая для себя почву возможной эмиграции из Центральной Азии.

Однако достоверно судить о самой вероятности этого предположения на основании историографических оценок не представляется возможным. Ведь, по сути, авторы лишь схематично обозначили наряду с другими направлениями данный вектор внешней политики казахских владельцев, не вдаваясь в подробности.

Впрочем, недостаток сведений в историографии не исключает того, что подобного рода события действительно могли быть. Насколько известно, во второй половине 1730-х гг. казахи крупными отрядами неоднократно вторгались в Нижнее Поволжье, совершая нападе-

¹ На этот аспект мы обращали внимание в исследовании, посвященном среднеазиатской политике хана Младшего казахского жуза Абулхаира [Торопицын, 2011].

ния на калмыков [Торопицын, 2009]. Н.Г.Аполлова считает, что целью походов отрядов Абулхаир-хана на улусы калмыцкого хана Дондука Омбо и тайши Дорджи Назарова были превентивные меры, призванные предупредить военное окружение казахов со стороны волжских калмыков с запада и со стороны Джунгарии с востока. «Абулхаир подозревал, — пишет она, — что торгоутские тайши действуют по указке хун-тайджи Галдан-Церена и что последний намерен использовать их в дальнейших походах на казахские владения» [Аполлова, 1960: 114].

Логика в подобных рассуждениях есть, однако, только ли этими соображениями руководствовались казахские владельцы? В.А. Моисеев, как было отмечено, находил странным, что в условиях угрозы нового вторжения джунгар казахские владельцы думали не об организации обороны своих владений на Востоке, а всецело погрузились в гущу событий на Западе. По этому поводу у Н.Н.Пальмова сложилось впечатление, что джунгарский владелец действительно рассчитывал использовать калмыков в своих интересах, но препятствием на пути его планов встали казахи. Рассматривая взаимоотношения калмыков, казахов и джунгар во второй четверти XVIII в., Н.Н.Пальмов пришел к выводу, что в конце 1730-х гг. у джунгарского владельца Галдан-Церена «зреет план склонить приволжских калмыков к уходу из России и перевести их в Джунгарию...». При этом казахи, писал он, считавшиеся к тому времени российскими подданными, стремились «установить самую тесную связь с кубанскими татарами, попасть к которым можно было только чрез Волгу и калмыцкую степь...» [Пальмов, 1927: 36–37].

На этот счет интересные сведения удалось выявить Ж.Б. Кундакбаевой. В связи с казахской активностью в Северном Прикаспии во второй половине 1730-х гг. она отмечает, что «особое беспокойство центральных властей вызвало сообщение сбежавшего из казахского плена калмыка, что к казахскому хану приезжали послы от крымского хана с просьбой оказать помощь войсками» [Кундакбаева, 2005: 207]. Этот факт заставляет по-новому взглянуть на традиционные оценки казахско-калмыцких отношений в период русско-турецкой войны 1736–1739 гг.

Сразу же после сообщения полковника В. Беклемишева о переходе крупного казахского отряда через Волгу и его нападении на русских жителей и калмыков центральные власти России развернули активную деятельность. Пограничным властям были направлены указания по усилению контроля на юго-восточных рубежах и готовности к от-

ражению казахских набегов. Особое внимание указано было уделить установлению причин и участников набега [Кундакбаева, 2005: 206–208].

Очевидно, что на тот момент истинные мотивы вторжения казахов в Нижнее Поволжье еще не были до конца ясны русским властям. Анализируя меры, предпринятые центральными властями для наведения порядка в Прикаспии, Ж.Б.Кундакбаева не увязывает их с информацией о крымско-казахских дипломатических контактах, обращая основное внимание на те аспекты, которые касались взаимоотношений казахов с российскими подданными. При этом автор отмечает, что сведения В.Беклемишева нашли подтверждение в донесении царицынского коменданта Кольцова², которое она, правда, не датирует. Из этого складывается впечатление, что российские власти не восприняли должным образом сигнал о политических переговорах, которые вели между собой крымский и казахский ханы.

Тем не менее, определенные действия пограничных российских властей позволяют предположить, что, в отсутствие подтверждающих фактов о намерении крымцев и казахов установить между собой более тесные связи, с российской стороны предпринимались шаги с целью оказать психологическое воздействие на казахов путем демонстрации уверенных побед русского оружия над турками³.

Обнаруженные нами архивные документы позволяют существенно дополнить весьма интересными подробностями складывающуюся в историографии картину действий, предпринятых казахами во второй половине 1730-х гг. в Нижнем Поволжье. Встреча посланца калмыцкого хана Джамбо Джамсо с царицынским комендантом полковником

² По сведениям калмыцкого хана Дондука Омбо, сообщенным царицынскому коменданту, казахи концентрировались вблизи Яика и намерены были перейти Волгу и идти на Кубань. Дондук Омбо увязывал эти намерения с обстановкой на востоке Центральной Азии, где китайцы потеснили из традиционных мест их обитания джунгар, которые, в свою очередь, переместились к кочевьям казахов и собирались отвоевать для себя их земли. Вследствие этого казахи и собирались эмигрировать в турецкие владения на Северном Кавказе [Кундакбаева, 2005: 207].

³ Так, в сентябре 1737 г. начальник Оренбургской комиссии В.Н.Татищев сообщил казахским посланцам о крупной победе русских войск над турками под Очаковым и в Крыму. Казахи, докладывая об этом в столицу, «перво в ужасе показались, а потом де Кундай батыр пространно ваше Императорское Величество поздравляя». Оценив, какое впечатление произвела данная информация на казахов, Татищев поручил составить более обстоятельное донесение, которое отправил к хану Абулхаиру, и в дальнейшем регулярно информировал его об успехах русских войск в русско-турецкой войне [Торопицын, 2012: 199].

П.Кольцовым состоялась в его квартире 24 ноября 1737 г. Калмыцкий посланец сообщил, что Дондук Омбо имеет «подлинное известие о кайсаках, как от ушедших от кайсак их калмык, так и чрез нарочно посыланные владельца Лекбея партии». Передав «словесно» основную часть послания, Джамбо Джамсо отметил, что казахский хан Абулхайр поехал с сотней человек к Оренбургу, «чтоб будучи тамо как возможно сына своего (который отдан в аманаты. — *И.Т.*) выручить» и «каким ни есть обманом от российской стороны взять» [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 87, л. 3об.].

Царицынский комендант в тот же день отправил донесение о встрече с посланником калмыцкого хана в Коллегию иностранных дел, приложив к нему запись беседы с Джамбо Джамсо, указав при этом, что проинформировал о содержании беседы начальника Оренбургской комиссии тайного советника В.Н.Татищева.

31 декабря 1737 г. Коллегия иностранных дел сообщила Военной коллегии, что получила сведения из Царицына о «намерении кайсаком идти чрез Волгу на Кубань». Со своей стороны, Коллегия иностранных дел послала соответствующие указы к В.Н.Татищеву, астраханскому обер-коменданту бригадиру А.Юнгеру и царицынскому коменданту П.Кольцову. При этом она признавала необходимым направить из Военной коллегии указ к Яицкому войску, чтобы казаки усилили разведывательную деятельность и заблаговременно сообщали обо всем пограничным властям, которым, по ее мнению, следовало подтвердить указом, «чтобы везде о приходе тех киргизцов чинена была надлежащая предосторожность и чтоб их чрез Волгу не пропустить» [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 87, л.].

Спустя четыре дня Военная коллегия дала указания Донскому, Волжскому и Яицкому войскам усилить бдительность в связи с известиями о намерении казахов идти на Кубань. В случае попытки перехода казахов на нагорную сторону Волги яицким и волжским казакам было предписано «всеми силами до того, чтоб она оная орда чрез Волгу перешла, отнюдь не допускать под опасением за оплошность жестокого истязания». Особый указ на этот счет был отправлен к В.Н.Татищеву [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 87, л. 5].

Таким образом, зимой 1737–1738 г. в политике российских властей на первый план вышли вопросы противодействия планам казахов по проходу через российские владения в Нижнем Поволжье на Северный Кавказ, который в то время был ареной борьбы России и Турции.

Тем временем обстановка на юго-восточных рубежах России продолжала оставаться напряженной. 22 ноября 1737 г. в Яицкий казачий

городок прибыли из Гурьева городка два человека, сообщившие, что ниже Индерских гор перешли с Бухарской на Самарскую сторону реки Яик свыше тысячи неприятельских людей, которые двинулись в направлении Волги. Под сам Яицкий городок тоже был сделан набег. Посланные в погоню за неприятелем казаки разбили нападавших и взяли пленных, которые оказались подданными хана Среднего жуза Абулмамбета. В.Н.Татищев, получив 1 декабря от казаков известие об этих происшествиях, сразу же послал донесения к казанскому губернатору князю Голицыну и к царицынскому коменданту Кольцову [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 87, л. 19].

Мер, предпринятых российскими властями для предотвращения набегов казахов на калмыков, оказалось недостаточным. В 1738 г. огромное казахское войско (22 800 человек) перешло Яик, с боем прорвалось через российские форпосты, поставленные на Волге, и дошло до реки Кума, разорив улусы калмыцкого хана Дондука Омбо. В результате преследования русскими отрядами отдельных казахских отрядов удалось захватить в плен людей из Младшего казахского жуза, один из которых оказался двоюродным братом влиятельного Есенбайбатыра. На допросе он утверждал, что главной целью казахского похода было разорение калмыцких улусов, которые ежегодно на них нападают. «А такого намерения... чтоб помощь учинить кубанцом не имели, — утверждал пленный, — и разглашением в войске об оном было не слышно, и с Кубани и с Крыму о призыве их в соединение присылки к ним касакком не было... таже никаких переписок с кубанскими и с крымскими и со астраханскими татарами и с протчими иноверцами и согласия не имеют» [РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 87, л. 85а об.].

Казалось бы, российские власти получили вполне заслуживающее доверия объяснение причин казахских походов на запад от достаточно информированного источника. Несмотря на это, весной 1738 г. Коллегия иностранных дел поручает В.Н.Татищеву разведать «о пересылке казахов с кубанцами» [Кундакбаева, 2005: 211]. В последующие годы российским посланцам, направлявшимся к казахским владельцам, в числе других ставилась задача выведывать о планах казахов в отношении их возможного сближения с кубанцами, особенно если их кочевья приближались к Яику⁴.

⁴ Так, в июле 1739 г. руководство Оренбургской комиссии получило информацию, что казахи «сею зимою вознамерились откочевать на Кубань». В связи с этим прапорщику Этыгеру, отправленному в Средний казахский жуз «для примечания киргизкайсацких обращений», было поручено уделить этой информации особое внимание.

Подозрения российских властей в отношении казахско-крымских связей так и могли бы остаться на уровне одних предположений, если бы спустя несколько лет не были получены веские доказательства реальности этих контактов. Находившийся с осени 1741 г. по весну 1742 г. в Младшем жузе с разведывательной миссией поручик Оренбургского драгунского полка Д.Гладышев выяснил, что среди казахов были сильны настроения к эмиграции из Центральной Азии на Северный Кавказ. Один из батыров по имени Муниак не скрывал в разговоре с поручиком, что в случае нападения джунгарского войска казахи Младшего жуза готовы уйти на Кубань, откуда к ним уже приезжали с этой целью кубанские посланцы. «И хотя для лучшего о сем совета киргисцы в Кубань посылали от себя посланцев, — говорил Д. Гладышеву Муниак, — только нижняя калмыки, перенимая, их побивали» [Казахско-русские отношения, 1961: 195].

Информацию о планах казахов в отношении ухода на Кубань подтвердил оренбургским властям и английский купец Р.Гок, побывавший в 1741–1742 гг. у каракалпаков. В июне 1742 г. он вернулся в Оренбург и в числе других новостей сообщил руководству комиссии о нежелании населения Младшего жуза кочевать вблизи российских владений. В период проезда через казахские степи Гоку не раз приходилось слышать от представителей этого жуза («Меньшей орды»), что они не потерпят притеснений со стороны России. Некоторые казахи откровенно говорили англичанину, что «у нас-де силы много, и можем прямо чрез Волгу и нижних калмык силою пройтить и соединиться с нагайскими татарами на Кубань» [Казахско-русские отношения, 1961: 212].

Однако настоящей удачей для российских властей стал арест весной 1742 г. непосредственного участника казахско-крымских переговоров. Этому событию предшествовали следующие обстоятельства. Астраханский вице-губернатор князь М.М. Борятинский в начале апреля посетил ставку наместника Калмыцкого ханства Дондука Даши, от которого узнал, что тот отправил своего посланца к кубанскому сераскеру, который вернулся обратно с представителями кубанского

Начальник Оренбургской комиссии князь В.А.Урусов докладывал 22 октября 1739 г. Коллегии иностранных дел, что «к вышереченному прапорщику Этыгеру послан от меня указ, которым велел ему всеми удобовозможными способами, будучи в орде, наведываться, какие причины привели киргисцов к тому, что они вблизи к Яику прикочевывают, нет ли у них заподлинно такого намерения, о каковом в данном ему, Этыгеру, наказе изображено, а именно, к кочеванию на Кубань» [Казахско-русские отношения, 1961: 130–132].

султана Салим-Гирея. «Оные ж де кубанские посланцы ему наместнику объявили», — докладывал Борятинский астраханскому губернатору В.Н. Татищеву, что в 1738 г. «кайсацкие салтаны» нашли двух «охотников», которые согласились съездить в Крым и доставить обратно известия. Добровольцы переправились через Волгу и поехали на Кубань, но были пойманы калмыками-дербетами и привезены к бывшему хану Дондуку Омбо, который поручил присматривать за ними «татарину Кусепу»⁵.

Один из двух посланцев впоследствии скончался. Но его товарищ, воспользовавшись тем, что в ту зиму калмыки были озабочены спасением своего скота от «великой непогоды и морозов», сумел уйти из-под охраны и добрался до Астрахани. Спустя некоторое время он выехал в Кабарду, откуда добрался через Кубань в Крым. Ему удалось добиться аудиенции у крымского хана, после чего он получил возможность возвратиться на родину («в свой улус»). В сопровождении крымских посланцев он приехал к кубанскому сераскеру, который отправил его дальше вместе с посланцами наместника Калмыцкого ханства. Как узнал у Дондука Даши князь М.М. Борятинский, «ево наместниковым посланцам он сераскер султан наодине объявил, что оной кайсаченин весьма подозрительной человек и видно, что с каким-нибудь туда (в Крым. — *И.Т.*) приказом он ездил». Сераскер советовал приглядывать за ним в пути и объявить о нем наместнику Калмыцкого ханства. От других кубанских татар посланец Дондука Даши калмык Тебежик слышал, «будто бы кайсаченин с тем прислан был, чтоб крымские татары отселе учинили на калмыцкие улусы нападение», это позволит казахам успешнее соединиться с кубанцами. По приезде в калмыцкие улусы казахский посланец был арестован и содержался под караулом у наместника ханства, который выдал его астраханскому вице-губернатору [ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 831, л. 4–5].

5 мая 1742 г. астраханские власти допросили присланного от наместника калмыцкого ханства казаха Доспула Ишимбетева. Тот не стал отрицать, что ездил с поручением на Кубань и в Крым. При этом сказал, «что в бытность ево у кубанского сераскера Салим-Гирея приказал ему Доспулу оной сераскер киргиз кайсаком сказать, чтоб они по своему желанию в Кубанскую область ныне для житья не ходили, ибо им здесь в Кубанской стороне места не будет». В ходе розыска казаху пришлось выдержать 30 ударов кнутом, но в остальном он «утвер-

⁵ По всей видимости, речь идет о старшине томатов Кусепе, который пользовался особым доверием у калмыцкого хана Дондука Омбо. Подробнее см. [Торопицын, 2010: 52, 53].

ждался на протчих своих показанных в допросе словах» [ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 831, л. 10].

9 мая 1742 г. губернские власти, рассмотрев «пыточные речи киргиз-кайсацкой Меньшей орды владения Абулхаир хана старшины Бекенбая Олчинского рода Доспула Ишимбетева сына, которой ездил на Кубань в Крым и находился весьма противным ко интересам Ея императорского величества, в чем извинился», приказали выслать его в кандалах под караулом в Казань. Присматривать за ним в пути поручили прапорщику Головинскому, который сопровождал в город-крепость Ставрополь на Волге партию крещеных калмыков. Причем перевозить арестованного казахского посланца велено было тайно, «чтоб об нем киргиз кайсаки и протчей иноверной народ не уведались» [ГААО, ф. 394, оп. 1 доп., д. 16, л. 67–67об.].

В тот же вечер в Астрахани произошло неожиданное происшествие: покончил с собой «махометанец», содержавшийся в доме губернатора «в секретном аресте». Как показал в объяснительной записке капрал Самарского полка М.Пронин, которому было поручено караулить арестованного, 9 мая «по полуночи в 1-ом часу пришел в оной губернаторский дом секретарь Василий Чириков с прапорщиком здешняго гарнизона Леонтьем Голявинским и на оном колоднике кандалы осматривали, и потом означенной секретарь приказал мне одного колодника отдать оному прапорщику Голявинскому и по отдаче себя уведомить, что приказав из одного губернаторского дому пошли. И по выходе оной колодник лег на лавку, где у одного послана была постеля, и отворотясь к стене оделся шубою и вдруг захрипел». Услышав это, капрал велел караульному солдату стащить арестованного, а когда его перевернули, то обнаружили, что он перерезал себе горло. После тщательного осмотра караульные обнаружили в скважине в стене бритву, которая неизвестно каким образом там оказалась [ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 831, л. 22–22об.].

Капрал и трое караульных солдат не называют в своих показаниях имени арестованного, указывая лишь, что он был «махометанец». Тот факт, что за ним явился в губернаторский дом прапорщик Л.Головинский, которому было поручено доставить казаха Д.Ишимбетева в Казань, и произошло это в тот же вечер, как вышло само постановление астраханских властей об этом, могло быть простым совпадением. Имени и национальности арестованного, например, не мог не знать астраханский вице-губернатор князь М.М.Борятинский, а между тем в приговоре Астраханской губернской канцелярии, подписанном им

28 мая 1742 г., говорилось о необходимости выяснить, кто пронес с собой бритву в дом губернатора, где содержался «в секретном аресте... татарин», который «зарезал себя бритвою» [ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 835, л. 518]. Есть некоторые основания все же предполагать, что самоубийцей был казахский посланец в Крым.

Впрочем, данный эпизод уже не играл в этой истории принципиальной роли. Российским властям удалось документально установить факт дипломатических контактов между казахскими владельцами Младшего жуза и крымским ханом. Допросные речи казаха Д.Ишимбетова, «что он с розыску показал», были отправлены в Коллегию иностранных дел. Они свидетельствовали, что вступившие в российское подданство казахи хотели с помощью крымских сил разгромить других российских подданных калмыков, чтобы открыть себе дорогу на Северный Кавказ. Причем происходило это в самый разгар русско-турецкой войны. Весомым подтверждением этих показаний служили сведения, полученные непосредственно от наместника Калмыцкого ханства. Они подтверждали факт направления казахскими владельцами своих посланцев в Крым, а передача Дондуком Даши астраханским властям непосредственного участника этих переговоров, созвавшегося в совершенных им деяниях, лишь подкрепляла достоверность его информации.

В свете этих событий поступление в Астрахань 7 июня 1742 г. сообщения от оренбургского губернатора И.И.Неплюева о необходимости усилить контроль над тем, чтобы «ис киргис кайсаков на Кубань, так же и с Кубани к ним киргис кайсакам никто ни под каким видом переходить не мог», уже не могло удивить астраханские власти. В.Н.Татищев и М.М.Борятинский на другой день приказали полковнику Боборыкину «от переходу киргиз кайсаков и кубанцов иметь крепкое предостережение и для того как на форпостах, так и во всех калмыцких улусах приказать того накрепко наблюдать и естли кто явитца из обоих к тому подозрительных оных народов, таковых одерживать секретно и немедленно в губернскую канцелярию репортовать, а к соединению оных отнюдь не допускать» [ГААО, ф. 394, оп. 1 доп., д. 16, л. 86–86об.].

Весьма интересно, что просьбы разрешить проезд в казахские кочевья с целью поиска пленных поступали к российским властям и от подданных крымского хана. Но на эти обращения, «дабы не начали они (казахи. — *И.Т.*) с Крымом и Кубанью переписываться», пограничные власти «под приличным предлогом» отвечали неизменным отказом [Торопицын, 2007: 104].

Приведенные факты свидетельствуют, что процесс присоединения казахов к Российскому государству, начавшийся в 1730-х гг., не означал отказа их ханов от самостоятельной внешней политики. Российские власти очень скоро поняли эти нюансы и, выстраивая взаимоотношения с казахскими владельцами, вынуждены были учитывать эти особенности поведения своих новых подданных.

Причины, по которым казахи стремились во второй половине 1730-х гг. продвинуться дальше на Запад через территорию России, также вполне понятны — их вынуждала к этому международная обстановка в Центральной Азии, где в противостоянии джунгар и Цинов перекраивалась карта степных просторов. Казахи в этой ситуации становились заложниками агрессивной политики Джунгарского ханства, которое, не имея возможности победить Китай, обратило все свои силы на подчинение ближайших казахских жузов, что привело к оттоку части казахского населения на западные земли.

Не исключено, что казахи воспринимали калмыков как соплеменников джунгар, поэтому, несмотря на принятие ими российского подданства, смотрели на калмыков враждебно. В этой связи их обращение к крымскому хану за военной помощью, направленной против калмыков, вполне объяснимо — ведь калмыки тоже воевали против турецких подданных. С помощью крымцев казахи рассчитывали убрать со своего пути Калмыцкое ханство и намеревались сами занять территории их кочевий на Северном Кавказе.

С нормализацией международной обстановки на Северном Кавказе после окончания русско-турецкой войны казахскому посланцу, пусть и не с первого раза, но удалось достичь Крыма и провести переговоры с крымским ханом. Однако вмешательство кубанского сераскера, выдавшего наместнику Калмыцкого ханства цель визита в Крым Д.Ишимбетева, привела к аресту казахского посланца и выдаче его астраханским властям, которые получили исчерпывающие доказательства антироссийской политики знати Младшего казахского жуза. Благодаря этому астраханскими властями в 1740-х гг. были приняты меры по недопущению казахско-крымских контактов. Это позволило сорвать замыслы части казахской элиты по совместным действиям с крымскими татарами против российских подданных в Волго-Уральском регионе.

- Абдиров, 1993 — *Абдиров М.* Хан Мухаммед-Абулхаир II // Простор. Алматы, 1993. № 12. С. 243–253.
- Аполлова, 1960 — *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII в. — начале XIX в. М., 1960.
- Басин, 1971 — *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
- Вяткин, 1941 — *Вяткин М.* Очерки по истории Казахской ССР. Т. I. М., 1941.
- Ерофеева, 1999 — *Ерофеева И.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
- Казахско-русские отношения, 1961 — Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
- Кундакбаева, 2005 — *Кундакбаева Ж.Б.* «знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.–СПб., 2005.
- Моисеев, 1991 — *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.
- Пальмов, 1927 — *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. II. XVIII век. Астрахань, 1927.
- Сабитов, 2014 — *Сабитов Ж.М.* Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2014. № 6. С. 122–126.
- Сулейменов–Моисеев, 1988 — *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988.
- Торопицын, 2007 — *Торопицын И.В.* Исламский фактор во внутренней и внешней политике России в первой половине XVIII века // Ислам на юге России. Астрахань, 2007. С. 87–106.
- Торопицын, 2009 — *Торопицын И.В.* Оборона калмыцких улусов в 30–40-х гг. XVIII в. // Материалы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посв. 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. Ч. 1. Элиста, 2009. С. 242–246.
- Торопицын, 2010 — *Торопицын И.В.* Противодействие тайного советника и губернатора В.Н.Татищева плану ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 1. С. 52–56.
- Торопицын, 2011 — *Торопицын И.В.* Хивинский прецедент. Среднеазиатская политика хана Младшего казахского жуза Абулхаира в 1730–1740 гг. и реакция на нее российских властей // Дулатова окулары: тарих ғылымы және қазіргі Қазақстан, Ресей мен Орталық Азия мемлекеттеріндегі тарихты оқыту, атты көрнекті қазақстандық тарихшы, ғылымды ұйымдастырушы, профессор Дина Исабайқызы Дулатованың 80 жылдық мерейтойына арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / жауапты ред., құраст. Ж.Б.Құндакбаева. Алматы, 2011. С. 66–74.
- Торопицын, 2012 — *Торопицын И.В.* Россия в борьбе за влияние на политику восточных дворов в 30-х гг. XVIII в. // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29 ноября 2012 года. Рязань, 2012. С. 196–200.

I.V.TOROPITSIN

(Astrakhan State University, Astrakhan)

An Alliance that was not to Be:
Kazakh-Crimean Contacts and Russian
Policy in the Second Quarter of the 18th Century

Abstract: The process of accession of Kazakhs to the Russian State, which began in 1730, did not mean the refusal of their khans of independent foreign policy. In the second half of the 1730's. part of the Kazakhs of Younger Zhuz, fearing the Dzungar invasion, attempted to secure their advance westward through Russia. A serious obstacle in their path were Kalmyk uluses. At the height of the Russo-Turkish war, the Kazakh owners held negotiations with the Crimean Khan. With the help of the Crimean Tatars, Kazakhs hoped to break the Kalmyks and take their nomadic lands in the North Caucasus. However, the intervention of the Kuban serasker who revealed to the Kalmyk Khanate Governor the purpose of visit to Crimea of the Kazakh Envoy led to his arrest and extradition to Astrakhan authorities who had received evidence of anti-Russian policy of the owners of Younger Kazakh Zhuz. Because of that Astrakhan authorities in 1740-ies. took some measures to prevent Kazakh-Crimean contacts. This allowed to derail the plans of Kazakh elites for joint action with the Crimean Tatars against Russian citizens.

Key words: Kazakhs, Kalmyks, Crimean Tatars, Cossacks, Astrakhan authorities, Russia, XVIII century.